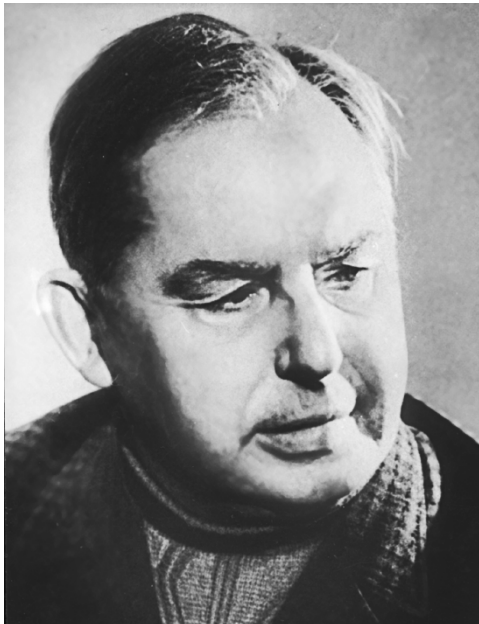

польский: К 70-летию со дня рождения: указ. лит-ры / сост. Е. Я. Боброва; предисл. А. Гридчина. Воронеж, 1975; Дедков И. «В поле две воли...»: Проза Г. Троепольского // Наш современник. 1975. № 11. С. 157–166; Крылова Л. А. Урок внеклассного чтения по повести Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо» // Лит-ра в школе. 1979. № 1. С. 59–62; Семенов В. Служение правде // Наш современник. 1980. № 11. С. 184–186; Мущенко Е. Путь к себе // Подъем. 1982. № 6. С. 132–137; Горбачев Н. Слово старшего друга // Наш современник. 1985. № 11. С. 184–187; Ивановский Р. А. Творчество Гавриила Троепольского (Идейно-худож. проблематика, жанровая специфика): Автореферат канд. дис. М., 1986; Умер Г. Н. Троепольский // Коммуна. Воронеж. 1995. № 122. 1 июля. С. 1; Троепольский Гавриил Николаевич. [Некролог] // Лит. Россия. 1995. № 29. 7 июля. С. 15.

П. В. Бекедин

ТРЯПКИН Николай Иванович [19.12.1918, дер. Саблино Тверской губ.— 21.2.1999, Москва] — поэт.

Родился в семье крестьянина-столяра; в 1930 семья переехала в подмосковное с. Лотошино. Там Т. окончил школу и в 1939 поступил в Московский историко-архивный ин-т. Начавшаяся война резко перевернула ход его жизни; не попав на фронт по состоянию здоровья, Т. в числе эвакуированных оказывается в маленькой деревне под Сольвычегодском, где, работая в должности счетовода, впервые всерьез обращается к поэзии.

Н. И. Тряпкин

Природа и история Русского Севера способствовали пробуждению таланта Т., дали богатую пищу чувству и воображению. С той поры связь поэта с землей, с деревенским укладом, с обжитым уютом избы, подворья, околицы неизменно крепнет, и даже переезд впоследствии поэта в Москву не ослабляет ее.

Осенью 1943 Т. вернулся домой к родителям. Общественный подъем послевоенного «восстановительного» периода он переживал как «праздник своей поэтической молодости», что отразилось в его стих. «**Жизнь**» (1945), «**Воскресенье**», «**Август зашумел**» (1946). В 1945 произошла встреча с П. Г. Антокольским, который одобрил первые опыты Т. и содействовал их публикации в ж. «Октябрь» (1946. № 11). Очень благожелательно отнесся к начинающему поэту Ф. И. Панферов, тогдашний редактор «Октября», о чем впоследствии не раз с благодарностью вспоминал Т. («**Стихи о Федоре Панферове**», 1979).

Т. умеет поэтически обживать разные эпохи, ладить с ними; даже во времена нелегких различать светлые тона, звонкие и бодрые звуки. Так отозвалось в его стихах первое послевоенное десятилетие, так создается у него «Грачей, ручьев и проводов / Предпосевная лирика», где находят свое место не только картины полевых работ, сельского быта, но и язык колхозных отчетов, газетных сводок — те самые «районные будни», о которых вскоре заговорила очерковая проза. При этом Т. заметно умерял нередкую в поэзии тех лет «мегафонную» громкость стиха, вносил в мажорные темы человечески-теплые ноты.

Открыв для себя в 1940-е Север, край «старика Зимогора», Т. глубоко прочувствовал его красоту, точно передал ее потемневшие от древности, от лесного сумрака, от печного дыма краски в цикле «**Пижма**» (1946). Отсюда ряд образов, лирических сюжетов расходуется по другим стихам, обогащаясь там новыми подробностями и оттенками («**Песнь о зимнем очаге**», «**Желание**», «**Лесные заливки...**»). В подобных вещах многое восходит к творчеству Н. Клюева, у которого Т. учился видеть коренную Северную Русь, учился говорить о ней крепко вязанным, многоцветным словом. И позже оставался близок Т. «тот скрытник из Олонца», который лег, «замшелый, как валун, у колеи железного Егорья» — так иносказательно назван Клюев в стих. «**Предание**» (1973).

С 1953 выходят поэтические сб. Т.— «**Первая борозда**» (1953), «**Белая ночь**»

(1956), «**Распевы**» (1958). В последней книге особенно явственно выступило важнейшее свойство стиха Т.— напевность. Она не столько воспроизводит готовые песенно-музыкальные формы фольклора (хотя и в этом Т. искусен, зная, впрочем, меру), сколько прямо выражает напевный склад души и речи поэта. В этом свойстве Т. наследует вместе с М. Исаковским, А. Прокофьевым «песенную долю» русского слова, как народного, так и литературного. Песенные голоса, различные по тембру, интонациям, пронизывают творчество Т.— то задумчивые, протяжные («**Летела гагара...**», 1955; «**Свет ты мой робкий, таинственный свет!...**», 1969), то бойкие, удалые («**Как сегодня над степью дочечкой...**», 1966).

С песенным словом хорошо уживается у Т. и сказовая, также народная в основе своей речь — в «забубённом сказе» о Степане («**Степан**», 1966), в таких стихах, как «**Песнь о хождении в край Палестинский**» (1959, 1973). Со временем Т. начинает тяготеть к сближению своего лирического повествования с лит. традицией поэтического рассказа в том его варианте, который широко представлен у А. Твардовского. Об этом свидетельствует большой двухчастный цикл «**Из семейной хроники**» (1982).

Еще в «Пижме» обнаружилась способность Т. связывать в цельных образах отдаленные эпохи, понятия, чувства. С «дремучей давностью» сплетается день нынешний, легендарные фигуры соседствуют с родней поэта, мифологические существа столь же осязаемы, как и обитатели леса, как домашние животные. И естественно укладывается в стихе Т. слово старое книжное («скрижали») с народным говорным («перинницы-молодухи»), с местным северным («кимарит маргасик»), с новым словом советского обихода. Недаром чужое, казалось бы, здесь слово «колхозный», подчиняясь общей цельности, принимает вид и значение, не противоречащие «дремучему наречью»: колхозный календарь выглядит тут как языческие святцы, которые «читает Домовой» «на лепных печах, ровесницах Кощея». Т. дороги устои, возле которых, как вокруг оси мироздания, время неторопливо вращается, а не пробегает суетно и бесследно; ему дорог нерушимый быт, где «Сам Христос не спорит с новизной» и «где прадед Святогор в скрижалях не стареет».

От предка, поклоняющегося силам природы, почти сливающегося с нею, поэт идет к нам через «забытые вехи, заглушенные дали давно прожитого». В стих., которое начина-

ется приведенными строками (1965), дан превосходный образ легендарно-исторической памяти народа: «Из новых колосьев, из древней печали / Завяжется слово» — и воскресают все звенья прошлого: от «славной древности моей», от Гришки Отрепьева и Степана Разина до той горькой поры, когда «не Рюрик бил по скулам, а свой же Кузька-обормот» («**За пылью ханского набег...**», 1965), до «Ваньки-однолишника», до последней войны.

Иногда в исторический порядок событий и судеб у Т. может ворваться какая-то своевольная стихия — тогда смешиваются «века и даты», поэт становится «жилецом Бог весть каких времен», словно погружается в доисторическое существование. И там, в первозданной тьме «незримого колодца», встречаются подпочвенные токи времен, там зарождается поэзия и является на свет в «новорожденном» слове (как точно сказано В. Кожиновым в предисл. к «Избранному» Т., 1980): «Воспрянул дух, воскрес поэт / Из тяжких дрем, из мертвой грязи» («**Рождение**», 1958) — в этом прорыве к бытию действуют и воля поэта к творчеству, и напор народной жизни, ищущей себе выражения. Выразителем последней и осознает себя Т.; связь с нею он декларирует неоднократно. Остро обыгрывая расхожую формулу демократического происхождения, он заявляет: «Нет, я не вышел из народа. / О, чернокостная порода! / Из твоего крутого рода / Я никуда не выходил» («**Нет, я не вышел из народа...**», 1982). В этом русле создается Т. своеобразная поэтическая «философия общего дела», проистекающая из нравственных идеалов народа, из традиций русской мысли и литературы, что почти программно сказалось в стихотворении 1966: «Кто с нами за внешние плуги? / Кто с нами? Кто с нами да к ясному солнцу? / Кто с нами? / <...> / Кто с нами за вольную песню? / Кто с нами? / Кто с нами за русское слово? / Кто с нами?» Все стих. отвечает на этот веселый, широкий клич многоголосым отзывом — «Мы с вами!», в котором звучит общинная сила, общинная вера в добро. С наибольшей цельностью и экспрессией такое жизнечувствование передано в стих. «**Листья дубовые!...**» (1971), где все пронизано свежестью ясной осени, привольем и вместе с тем налито зрелой силой, «густой, медяной», не боящейся ненастий и «нежити упорной».

Соч.: Избранная лирика. М., 1970; Вечерний звон. М., 1975; Стихотворения. М., 1977; Избранное. М., 1980; Избранное. М., 1984; Подражания Экклезиасту.

М., 1989; Стихотворения. М., 1989; Уж, видно, тот нам выпал жребий. М., 2000; Горящий Водолей. М., 2003.

Лит.: Куняев С. Мои волшебные сказанья: Заметки о творчестве Н. Тряпкина // Москва. 1982. № 6; Котельников В. Перуново древо поэта: О поэзии Н. Тряпкина // Лит. учеба. 1985. № 5; Лебедев Е. «И никогда земле не лги»: Штрихи к портрету Н. Тряпкина // Лит. газ. 1987. № 35. 26 авг.; Рогощенков И. Цельность сознания и воля к творчеству: О традициях в жизни и литературе // Москва. 1987. № 8; Поздняев М. Шест равновесия // Лит. обозрение. 1988. № 2; Василевский А. Чувство в своем естестве // Новый мир. 1988. № 3; Куняев С. Неизбывный вертоград // Москва. 1989. № 4; Панченко О. Не изменяя, изменяться // Октябрь. 1990. № 7; Волков Б. Свет ты мой робкий, таинственный свет! // Учительская газ. 1994. № 33. 6 сент.; Бондаренко В. Отверженный поэт // Наш современник. 2002. № 8; Балан Д. «Тихая», «почвенная», или «славянофильская» поэзия // Лит. учеба. 2003. № 2.

В. А. Котельников

ТУР, братья Тур (настоящие имена Тубельский Леонид Давидович [11.4(29.3).1905, г. Таганча Киевской губ.— 14.2.1961, Москва] и Рыжей Петр Львович [24.1(11.1).1908, Киев — 2.10.1978, Москва]) — драматурги.

Учились в Ленинграде, Тубельский — в Ин-те восточных языков, Рыжей — в Ин-те сценического искусства. В 1923 начали совместную журналистскую деятельность, выбрали в 1925 себе псевдоним «братья Тур». «Было два соавтора: Тубельский и Рыжей. Они подписывались как Туры. А Михаил

Л. Д. Тур

П. Л. Тур

Кольцов, когда брал их на работу в „Известия“... переименовал их в „братьев Тур“ (Потапов В. Интервью с Зюкой Тур).

В «Известиях» Т. писали рецензии на фильмы (например, рецензия на «Цирк» И. Ильфа и Е. Петрова; 23 мая 1936) и фельетоны. З. Тур вспоминала: «Когда в 1960 году муж умер, мне поручили составить его сборник. Он о своем архиве не заботился, и мне пришлось просматривать подшивки „Известий“ за несколько десятилетий. Оказалось, в течение многих лет братья Тур писали по два-три „подвальных“ фельетона в неделю» (Потапов В. Интервью с Зюкой Тур).

Во время Великой Отечественной войны (1941–45) Т. работали фронтовыми корреспондентами.

Начало драматургической деятельности Т. относится к началу 1930-х. Первый успех у публики принесла Т. прославляющая органы советской госбезопасности пьеса «**Очная ставка**» (1937) (в соавт. с Л. Шейниным). По мотивам «Очной ставки» в 1939 Т. написали киносценарий «**Ошибка инженера Кочина**». Действие пьесы происходит в Москве в 1930-е в разгар шпиономании. Инженер авиазавода Кочин берет домой секретные чертежи, чтобы внести в них последние изменения. С помощью возлюбленной Кочина иностр. разведчик фотографирует чертежи. В результате любимая девушка инженера погибает, сам он осознает свою ошибку, а органы НКВД разоблачают врага.